

Андрей Валерьевич Скоробогатов

*Профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета
им. В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент*

E-mail: askorobogatov@rambler.ru

Ценностная детерминация юридического дискурса

Аннотация: *статья посвящена исследованию юридического дискурса в социокультурном контексте. Ее актуальность определяется важностью изучения сущности, содержания и значения правоинтерпретации для конструирования правовой реальности России. Юридический дискурс как результат правоинтерпретации включает в себя ценностную составляющую. Это определило предмет работы – ценностные факторы, влияющие на сущность и содержание юридического дискурса. Целью работы является аксиологическое исследование юридического дискурса. Методологически исследование проведено на основе постклассической парадигмы и комплексного дискурс-правового анализа, что позволило изучить не только содержание юридического дискурса, но и его сущностную*

основу, имеющую аксиологический характер. Сделан вывод, что юридический дискурс представляет собой совокупность вербальных, литеральных и невербальных представлений человека. Как коммуникативное правовое пространство юридический дискурс выступает неотъемлемым атрибутом правовой реальности. Формирование и развитие юридического дискурса обусловлено национальной системой правовых ценностей. Существенная новизна работы состоит в изучении юридического дискурса на аксиологическом уровне. Истинность как отдельных правовых текстов, так и юридического дискурса в целом относительно и определяется интерпретатором, исходя из системы правовых ценностей.

Ключевые слова: юридический дискурс, постклассическое правопонимание, аксиология права, правовая ценность, правовая реальность, интерпретация права.

Andrey Valer'evich Skorobogatov

Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Doctor of Historical Science, Associate Professor

Valuable Determination of Legal Discourse

Annotation: *the article is devoted to the study of legal discourse in socio-cultural context. Its relevance is determined by the importance of describing the essence, content, and meaning of interpretation of law for forming legal reality in Russia. Legal discourse being the result of interpretation of law contains value component. This fact caused the subject of the research which is value factors influencing the essence and content of legal discourse. The purpose of the article is to provide axiological study of legal discourse. Methodological base for the research is post-classical paradigm and complex discourse-legal analysis. The choice of these particular means of research allows the author to research both sides of legal discourse that are its content and its essential nature which is axiological by character. The author concludes that legal discourse is a complexity of verbal, literal, and non-verbal human ideas. Being communicative legal area legal discourse is considered as integral attribute of legal reality. Formation and development of legal discourse is specified by national system of legal values. Significant novelty of the research is axiological level of the study of legal discourse. Due to the verity relativity of separate legal texts and the legal discourse in general, it is the interpreter who defines its truth according to system of legal values.*

Keywords: *legal discourse, post-classical interpretation of law, axiology of law, legal value, legal reality, interpretation of law.*

Правовая реальность современной России характеризуется трансгрессивностью и транзитивностью, которые обуславливают все большее усиление позиций постклассической рациональности, ориентированной на интересубъективность науки и расширение исследовательского поля как содержательно, так и методологически. Следствием этого стала трансформация отношения к познанию, в том числе юридическому, которое все больше приобретает интерпретативный характер. Постклассическая наука сосредоточила внимание на интерпретации не только первичных, но и вторичных правовых текстов с целью их деконструкции как в контексте социально-культурного развития, так и с учетом внутренней логики развития, содержания и функционирования юридического дискурса.

Обращение к языковым проблемам права произошло в 1960-е гг. в связи с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции (Д. Меллинкофф, В. М. О'Барр). Однако собственно проблема дискурсивности права была поставлена лишь в 1980–1990-е гг. при разработке коммуникативной (Ю. Хабермас, М. ван Хук) и аргументативной (Р. Алекси, Х. Перельман) теорий права. В России проблемы дискурсивности права стали активно изучаться в 2000-е гг., когда к ним практически одновременно обратились философы, юристы и лингвисты (Т. В. Дубровская, М. В. Коновалова, О. А. Крапивкина, И. В. Палашевская, А. В. Поляков, Н. Г. Храмцова, И. Л. Честнов и др.).

Современные гуманитарные науки рассматривают дискурс как сложное, многоаспектное социальное явление, в котором можно выделить лингвистический аспект (дискурс как вербально-коммуникативная практика субъектов социальной жизни), философский аспект (дискурс как форма объективации содержания сознания человека), логико-семантический аспект (дискурс как система речевых актов и семантических конструкций, отражающих ценностное содержание языка социальной группы или общества). Благодаря дискурсу происходят категоризация и смыслообразование как важнейшие элементы социализации. Трансгрессивность современной социальной реальности обуславливает необходимость рассматривать дискурс как синтетическое явление, объединяющее отдельные аспекты жизни человека. Важнейшим из них выступает дискурс права, пронизывающий все проявления социальной жизни. Любая деятельность в правовой сфере в своем генезисе, эволюции и содержании не может обойтись без детерминационного влияния элементов дискурса права, языковых компонентов правовой коммуникации.

Исходя из вышеприведенных подходов к дефиниции дискурса дискурс права можно определить как совокупность правовых текстов, т. е. вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений [1, с. 83]. Полагаем, что правовой язык в современном обществе не представляет собой единства и делится на несколько самостоятельных языков, среди которых можно выделить языки законодательства и подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки и юридического образования, язык юридической журналистики, язык правового общения и др. Это свидетельствует о необходимости выделения в дискурсе права двух самостоятельных видов:

1) юридического дискурса, включающего нормативные и доктринальные юридические тексты, использующие официальный правовой язык (юридический язык государства, получивший формальное закрепление в законодательстве и используемый в правоприменительной практике и правореализационной деятельности);

2) правового дискурса, под которым мы понимаем совокупность вербальных и невербальных высказываний на правовые темы, не связанных с профессиональной юридической и научной деятельностью и отражающих обыденный уровень правосознания и правопонимания.

Если юридический дискурс, будучи непосредственно связанным с профессиональной юридической деятельностью, максимально формализован, то правовой дискурс имеет неформальный характер. Это обусловлено тем,

что последний основан на пассивном словарном запасе человека, локальной группы и (или) общества, а также закрепленностью в различных актах обыденной коммуникации при обсуждении ее субъектами вопросов правовой сферы.

Необходимо учитывать и имеющуюся между ними разницу по форме выражения. Юридический дискурс представлен как вербально, так и литерально, выражен в формализованных юридических текстах: нормативных, правоприменительных, правореализационных, правоинтерпретационных. Благодаря юридической технике он не только структурирован определенным образом, но и создан на основе строго определенной юридической терминологии, с использованием юридических конструкций. В то же время правовой дискурс нередко носит лишь вербальный, а иногда и невербальный характер, выражая представления человека о праве, не имеющие четких границ и форм. Это связано с тем, что он формируется интуитивно и ситуативно в процессе правовой коммуникации, прежде всего, при горизонтальном взаимодействии субъектов, идентифицирующих себя с одной социальной группой, бытие которой непосредственно не связано с юридической профессией. При вертикальном взаимодействии субъектов, имеющих иерархическое различие в правовых статусах и (или) выполняемых социальных ролях, наличие у одного из них профессионального юридического или доктринального правосознания способно придать правовому дискурсу отдельные черты юридического, хотя полной трансформации не происходит.

Юридический дискурс является вербальной основой формируемого государством правопорядка и имеет наибольшее значение для формирования правовой реальности. Правовое мышление, особенно лиц, осуществляющих профессиональную юридическую деятельность, предметно, по большей части категориально, хотя и в сочетании с образным. Это делает мышление и детерминированную им юридическую деятельность полностью зависящими от юридического дискурса, в который инкорпорирован субъект.

Дискурсивность позитивного (официального) права, динамичность его структуры и коммуникативность его природы обуславливают релятивизм формальных источников права как регуляторов социальных отношений. Благодаря юридическому дискурсу происходит конструирование правовой реальности, сопровождающееся ее символизацией и мифологизацией. При этом реальность нередко приобретает черты симулякра. Детерминация этого процесса способствует трансформации социальных, групповых и индивидуальных интересов человека, сопровождающейся изменением восприятия тех или иных правил в качестве объективной, внешней по отношению к индивиду истины. Критерием истинности позитивного права при этом становится юридическая практика и правовое поведение человека в контексте его самоидентификации.

Представления об относительности правовой истины и релятивизме позитивного права обуславливают приоритет в исследовании юридического дискурса герменевтического подхода, ориентированного на изучение правовых текстов как многоуровневых явлений, включающих в себя не только собственно текст, но также подтекст и контекст, понимание которых обусловлено плюралистичностью интерпретации правового текста различными субъектами правовой коммуникации. «Окружающий человека мир может восприниматься только через сознание субъекта, как результат субъект-объектной корреляции» [2, с. 8].

Герменевтическая парадигма предполагает интертекстуальное прочтение правового текста, его понимание во взаимодействии с другими текстами (в том числе неправовыми), отражающими исторический и социокультурный контекст. Так, формализующий юридическую норму нормативный правовой акт и как текст, и как смысл может существовать лишь в процессе правовой коммуникации, в которой наряду с ним участвуют правоприменительные, правореализационные и правоинтерпретационные акты. Поэтому понять и интерпретировать нормативный правовой акт можно лишь в знаковом пространстве интерпретации права [3, с. 77–83], например, в судебном процессе.

Исходя из этого объективность смысла юридического текста не носит универсального характера. Смысл текста ситуативен и зависит от актуальности текста в определенных пространственно-временных условиях в контексте достигнутого участниками юридического дискурса компромисса. Так, судебное решение может рассматриваться в качестве сформулированного судьей компромисса между интерпретацией содержания юридической нормы и конкретными обстоятельствами дела, как достигнутый судьей консенсус между интерпретацией закона и конкретных обстоятельств дела, который признается (или не признается в случае апелляции или кассации) другими участниками процесса.

Юридический дискурс является частью институционального и имеет стандартизованные формы закрепления и выражения. Юридический текст, составляющий содержание юридического дискурса, всегда вербализован и представлен в строго формальной форме. Господство в нашей стране нормативистского подхода к правовой системе обуславливает большое внимание к юридической технике именно с формальной стороны. Соблюдение ее требований должно обеспечивать не только лингвистическую сторону правовых текстов, но и их юридическую легитимность, качество и эффективность.

Юридический дискурс в силу своей природы имеет диалогический характер, предполагая коммуникацию субъектов в процессе правового взаимодействия. Участниками юридического дискурса выступают государство, общество, локальные сообщества и отдельные граждане.

Будучи инструментом опредмечивания внешнего мира и наделения его конкретным смысловым содержанием, юридический дискурс способствует ценностно-правовой ориентации человека, его социальной адаптации и правовой социализации, хотя роль дискурса в процессе социализации не является исключительной и абсолютной. Значительное влияние на этот процесс оказывает индивидуальный правовой опыт, включающий эмоциональный компонент. Однако именно юридический дискурс формирует индивидуальное правовое пространство человека, вербализуя его границы и определяя степень вовлеченности в правовую коммуникацию. С одной стороны, формируется контекстуальная окраска оппозиции «свой – чужой», с другой – групповой контекст коммуникации формируется как результат социальной конвенции. Это обуславливает возможность индивида быть не просто пассивным участником правовой деятельности, но и ее актором.

Особенности правового взаимодействия в условиях российской правовой реальности позволяют выделить два принципиально различных варианта правовой коммуникации участников юридического дискурса:

- 1) адресат и адресант обладают равными коммуникативными ролями;

2) адресат и адресант имеют неравные коммуникативные роли.

Первый вариант предполагает принадлежность адресата и адресанта к одной профессиональной группе (реальной и (или) номинальной). В этом случае их правовой диалог приближается к монологу, поскольку обмен правовой информацией и формирование компромисса происходят в рамках одного правового поля. При втором варианте правовой коммуникации адресатом выступает рядовой гражданин, не владеющий юридической терминологией и лишь опосредованно связанный с юридическим дискурсом. В качестве адресанта же выступает юрист-профессионал, не только обладающий знанием понятийно-категориального аппарата, но и навыками его применения в конкретной ситуации. В этих условиях диалогическая структура дискурса априори предполагает, что адресату отводится зависимая реактивная роль по освоению правил и норм в том смысловом контексте, который транслирует адресант. При этом адресант для повышения своей легитимности может использовать как искажение действительного смысла юридических текстов, так и прямую дезинформацию. При этом речь может идти не только о непосредственном правовом взаимодействии, но и об опосредованном, в том числе с использованием электронных средств массовой информации и социальных сетей.

Ситуативность юридического дискурса определяет, что при множественности смыслов юридического текста для конкретного субъекта (как адресата, так и адресанта) наиболее значимым является тот, который максимально соответствует социальному и индивидуальному правовому опыту и способствует реальному или потенциальному удовлетворению интересов субъекта. Однако в случае иерархичности субъектов правовой коммуникации адресант может сформировать в правосознании адресата образ потенциальной возможности удовлетворения интересов последнего, который будет вытекать из правового поля закона, но не соответствовать действительным потребностям гражданина.

Непосредственным выражением правовой реальности выступает язык, вербализованный в юридических текстах (правотворческие, правоприменительные, правореализационные, правоинтерпретационные акты). Несмотря на стремление законодателя максимально легализовать правовой язык, на практике понимание смысла юридической нормы определяется множеством объективных и субъективных факторов [4].

Хотя тексты позитивного права определяют символическое пространство юридического дискурса, актуально значимые смыслы они порождают не в силу создания и реализации, а лишь при их интерпретации индивидом, обладающим профессиональной или доктринальной правовой культурой. Являясь участником дискурса, юрист понимает, интерпретирует и транслирует гражданину содержание и смысл правового текста применительно к конкретной ситуации. Это позволяет ему осуществлять регулирование не только в собственном, но и в социальном правовом пространстве, оказывая влияние на интерпретацию правового текста и вытекающие из нее ценностные ориентации и правовое поведение других участников правовой коммуникации. Тем самым юриста можно рассматривать как инструмент трансформации текста позитивного права (закона) в правовое поведение участников правовой коммуникации. При этом он оказывается способным не только транслировать действительный смысл текста, но и мифологизировать его, придавать ему черты симулякра,

создавая принципиально новую нормосистему, ориентированную на удовлетворение не социальных потребностей, а индивидуальных. Примером подобной ситуации можно считать широко распространенное явление коррупции, которая на уровне дискурса приобретает архитектурные черты.

Однако юридический дискурс нельзя считать полностью субъективным. Будучи социальным существом, человек способен вступать в разнообразные социальные, в том числе правовые, взаимодействия. Эффективность правовой коммуникации при этом зависит как от готовности субъектов идти на компромиссы, так и от степени тождественности в оценках правовой реальности и наличия установки на ее трансформацию. Ведущую роль в этом процессе имеет освоение субъектом правовых ценностей, знаний, норм и установок, которые позволяют ему не только самоидентифицироваться, но и идентифицировать себя с определенной (реальной и (или) номинальной) социальной группой (обществом, локальным сообществом), тем самым более успешно адаптируясь в правовой реальности.

Несмотря на то что группа в процессе правовой коммуникации выступает по отношению к индивиду адресантом, стремящимся к трансляции субъекту-адресату правовых ценностей, направленных на успешное бытие и функционирование группы в правовой реальности, степень восприятия ценностей и трансформации их в правовое поведение адресата зависит от его готовности идти на компромисс. Однако освоение адресатом правовых ценностей зависит не только от его индивидуального правового опыта, но и от схожести социального правового опыта адресата и адресанта. В случае их противоречивости группа может воспользоваться ссылкой на авторитет, в том числе на авторитет предков, который традиционно оказывает большое влияние на правовое поведение индивида.

Формой бытия правовых ценностей в юридическом дискурсе выступает правовой архетип. Относясь к наиболее глубинному уровню правосознания, он опосредует рациональное и иррациональное восприятие субъектом правовой реальности. Архетип позволяет индивиду на основе отражения в правосознании социального правового опыта сформировать образ оптимальной модели правовой коммуникации [5, с. 9]. Имея историко-культурный характер, правовые архетипы формируют господствующий в обществе (социальной группе) юридический дискурс и предопределяют усвоение и интерпретацию членами сообщества позитивно закрепленных знаний, норм и ценностей, приобретающих при этом аксиоматический характер.

Благодаря правовым ценностям в правосознании человека формируется определенная правовая концептосфера, включающая в себя базовые концепты и имеющая субъективно-объективный характер. С одной стороны, эти термины-понятия закреплены в законодательстве и определяют индивидуальный правовой статус человека (место индивида в правовой реальности). С другой стороны, их смысл определяется индивидуальным и социальным правовым опытом и является ситуативным.

Базовым концептом юридического дискурса в России является терминопонятие «право», традиционно тесно связанное с понятиями «правда», «правильный», «праведный», «справедливость» и имеющее сакральный смысл. Закрепление этого понятия в законодательстве должно, с одной стороны,

гарантировать его социальную легитимацию и эффективность реализации. С другой стороны, наполнение этого понятия традиционным сакральным смыслом способно гарантировать не только непротиворечивость юридического дискурса (синонимичное понимание и интерпретацию официальной терминологии различными категориями субъектов), но и гармонизацию правовой реальности в целом.

Освоение человеком правовых ценностей происходит в процессе правовой социализации. Ее цель — становление целостной личности, действия которой регулируются нормами права, адаптация индивида к правовой реальности на основе самостоятельности, креативности и ответственности за результаты своей деятельности, независимо от сферы их осуществления. Хотя природа правовой социализации не позволяет ее участникам выступать в качестве равноправных субъектов правовой коммуникации, ее целенаправленный характер и стремление адресанта ориентироваться на интерпретацию законодательства сквозь призму традиционных смыслов дает возможность включить адресата в пространство юридического дискурса.

Таким образом, юридический дискурс как коммуникативное правовое пространство выступает неотъемлемым атрибутом правовой реальности. Он имеет не только онтологический, но и аксиологический уровень. Истинность юридического текста относительна и определяется интерпретатором, исходя из собственного правового опыта и значимости текста для его правового поведения. Смысл юридического текста невозможно постичь до конца, поскольку каждый акт интерпретации носит ситуативный характер. Поэтому может существовать плюрализм смыслов текста. Однако интерпретация юридического дискурса не является полностью субъективной, будучи опосредованной семантическими границами юридических текстов и ценностными установками субъекта интерпретации.

Пристатейный библиографический список

1. *Коновалова М. В.* Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса. Челябинск : Энциклопедия, 2014.

2. *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб. : Алеф-Пресс, 2014.

3. Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016.

4. *Ковкель Н. Ф.* Проблемы определения и классификации дефектов легального дефинирования // Методологические проблемы формирования и правотворческого использования основных понятий и категорий в сфере охранительного права : сборник науч. трудов / под общ. ред. В. И. Павлова. Минск : Академия МВД, 2017.

5. *Мирошниченко О. И.* Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

References

1. *Konovалova M. V.* Evokacionnaya kategoriya kogerentnosti na primere yuridicheskogo diskursa. [Evolutionary category of coherence on the example of legal discourse]. Chelyabinsk : Enciklopediya, 2014.

2. *Polyakov A. V.* Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbrannye trudy. [Communicative jurisprudence: Selected Works]. SPb. : Alef-Press, 2014.

3. YUridicheskaya germeneytika v XXI veke [Legal Hermeneutics in the 21st Century] / edited by E. N. Tonkov, YU. YU. Vetyutnev. SPb. : Aletejya, 2016.

4. *Kovkel' N. F.* Problemy opredeleniya i klassifikacii defektov legal'nogo definirovaniya // Metodologicheskie problemy formirovaniya i pravotvorcheskogo ispol'zovaniya osnovnyh ponyatij i kategorij v sfere ohranitel'nogo prava : sbornik nauch. Trudov [Problems of definition and classification of legal definitions of defects // Methodological problems of formation and law-making use of basic concepts and categories in the field of protective law: collection of scientific works] / edited by V. I. Pavlov. Minsk : Akademiya MVD, 2017.

5. *Miroshnichenko O. I.* Russkij kul'turnyj arhetip kak sredstvo identifikacii sovremennogo rossijskogo prava : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Russian cultural archetype as the mean of identification of modern Russian law: author's thesis of dissertation for Candidate degree in legal sciences]. M., 2016.